

Мизерность современного человека показана Пушкиным на широком фоне — от жалкой «конуры» Евгения до Зимнего дворца.

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славою правил. На балкон
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

Сверхчеловеческой энергии Петра I противопоставлено безволие Александра I, героическим делам царствования Петра I — повседневная ограниченность, историческая близорукость петербургского обывателя пушкинского времени. Пушкин не видит ни одного Героя среди своих современников. И снова возникает сопоставление с мыслями Дениса Давыдова, который по контрасту с Наполеоном показывал ничтожность современных политических деятелей.

Сложная историческая и политическая обстановка 1830-х годов вызывала противоречивые тенденции в историко-философских взглядах Пушкина; его высказывания в защиту русской государственности отражали прочную веру поэта в историческое предназначение России, веру, столь энергично выраженную в одическом вступлении к «Медному всаднику»; его скептическое отношение к современной цивилизации, отношение, которое в своих основных чертах совпадало с позицией Дениса Давыдова, происходило от отрицания николаевского самовластия, от неприятия буржуазных порядков Западной Европы и социальных перемен, вестников проникновения в Россию духа буржуазного предпринимательства.

Различные точки зрения по философии истории, высказывавшиеся писателями пушкинского круга в 1830-е годы, убеждают нас в том, что в этой среде шли напряженные споры по кардинальным проблемам исторического развития. Таким образом, идейная жизнь Пушкина этих лет неотделима от того умственного брожения, которое даст себя знать в ближайшее десятилетие; споры Пушкина и его литературных соратников являются *прологом* тех отчаянных прений в московских гостиных, которые так ярко воссозданы Герценом в «Былом и думах».

1832 год — черный год в летописях русской культуры. Закрытием «Европейца» правительство начало многолетний крестовый поход против сил прогресса и истинного просвещения, во славу «самодержавия, православия и народности».

Писатели пушкинского круга (да и другие литераторы) вскоре поняли, что стремительное возвышение экзархамаса Уварова не сулит им ничего хорошего. И они не ошиблись! Их бывший сотрапезник, не раз разделявший с ними когда-то арзамасского гуся, стал воздвигать, по его собственному образному выражению, «умственные плотины». Все враждебнее косились в гостиных на тех, кто осмеливался иметь свое мнение. Его не должно было иметь! Думать полагалось по казенному ранжиру.

Оставаться на родине становилось невозможным, и летом 1832 года Александр Тургенев вновь отправляется за границу.

«18 июня. <...> В час сели на первый пароход. Велгурский, Мюральт, Федоров с сыном провожали нас...¹ В час — тронулся пароход. Я сидел на палубе — смотря на удаляющуюся набережную, и никого, кроме могил, не оставляя в Петербурге, ибо Жук<овский> был

¹ Велгурский — Михаил Юрьевич Виельгорский (1788—1856), хозяин музыкального салона. Мюральт Иоганн (1780—1850) — папстореформатской церкви в Петербурге. Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — литератор, помогавший Тургеневу в переписке исторических документов из иностранных архивов.

со мною. Он оперся на минуту на меня и вздохнул за меня по отечеству: он один чувствовал, что мне нельзя возвратиться... Пкетербург, окрестности были далеко; я позвал Пушкина, Энгельгарда,² Вяземского, Жуковского, Викулина³ на завтрак и на шампанское в каюту — и там оживился грустию и самым моим одиночеством в мире... Брат был далеко... Пушк(ин) напомнил мне, что я еще не за Кронштадтом, куда в 4 часа мы приехали. Пересели на другой пароход: *Николай I*, на коем за год прибыл я в Россию; дурно обедали, но хорошо пили, в 7 час(ов) расстался с Энгельгар(дом) и Пушкиным; они возвратились в Петербург; Вязем(ский) остался с нами, завидовал нашей участи» (129).

Читая эту выцветшую запись, наспех набросанную Тургеневым, мы невольно переносимся в прошлое, видим небольшой пароход, медленно идущий к Кронштадту, ощущаем непринужденную атмосферу дружеских проводов.

Пробка шумно ударилась в потолок каюты. Пушкин и его друзья провозгласили тост за счастливое путешествие. Шампанское разгорячило умы, и Тургенев сказал что-то резкое, о чем не положено было говорить. Пушкин напомнил Александру Ивановичу: в России и стены имеют уши!

Непривычно, странно было слышать такие слова из уст Пушкина; когда-то, в конце 1810-х годов, роли были иными — в те времена он, Александр Иванович, постоянно предостерегал не знавшего удержу поэта от опасных выходов против властей. Как все изменилось! Обстоятельства стали таковы, что остерегающие слова Пушкина должны были быть сказаны: они все — Пушкин, Вяземский, Тургенев и даже Жуковский — были на подозрении; кто мог поручиться, что их не сопровождает тайный соглядатай?

Непрочно, очень непрочно чувствовал себя Александр Иванович; за отказ отступить от брата-декабриста он заслужил открытую неприязнь двора. Заграничный паспорт был ему выдан не сразу и лишь по личному раз-

² По-видимому, Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — полковник в отставке, член литературного кружка «Зеленая лампа».

³ Викулин Сергей Алексеевич (1800—1848) — попутчик Тургенева и Жуковского в поездке за границу.

решению Николая I. Как видно из дневника его, Тургенев предлагал Жуковскому ехать порознь; Александр Иванович опасался, что его крамольное общество повредит Василию Андреевичу в глазах властей предрержащих. Но его доводы не убедили Жуковского, который настоял на совместном путешествии. Какая цена была бы его дружбе, если бы он, Жуковский, малодушно отрекся от опального друга? И вот они едут на одном пароходе, и, конечно, Пушкин и Вяземский провожают их до Кронштадта. Союз, связующий истинных арзамасцев, нерасторжим!

На брюлловском портрете Александра Ивановича внизу написан девиз рода Тургеневых: «Без боязни обличаху». Самодержавная власть не терпит обличений, и понятно, что тот, кто руководствовался столь смелым девизом, был не ко двору в николаевской России. Не ко двору были и его друзья — Пушкин, Вяземский, Жуковский. Все они принадлежали к поколению отцов, которое 14 декабря 1825 года вышло на Сенатскую площадь. Это поколение Николай I ненавидел и смертельно боялся его. И горе тем, кто дерзнет вызвать испуг в душе самодержца; этого унижения Николай I никогда не простит их поколению.

В Ганновере Александр Иванович расстался с Жуковским, ехавшим на лечение в Швейцарию. Они условились встретиться в следующем году в Италии, куда — после Геттингена и Мюнхена — держал свой путь Тургенев.

Три месяца спустя дорожная карета доставила Александра Ивановича в Венецию. Впервые он посетил этот город в 1804 году и оставил нам восторженное описание морской красавицы: «Когда подъезжаешь к Венеции, особливо со стороны Триеста, то кажется, что сия масса великолепных зданий — как бы подобие Венеры — рождается из морской пены...»

Теперь же, почти три десятилетия спустя, его душу поражают венецианские каторжники: «Смотря на этих колодников, гремевших цепями вокруг своего страждущего товарища, — я вспомнил, что наши сестры и дочери плясали в коронацию, под звук цепей, в коих шли их друзья и братья в Сибирь! ... Но другое воспоминание усладило сердце: молодые супруги летели туда же к су-

пругам своим, зарыться с ними в вечных снегах!! до радостного утра».⁴

Человек высокого нравственного долга, Тургенев болезненно воспринимал малодушное отступничество родных и друзей от сосланных на каторгу декабристов. Тем большее преклонение вызывал у него самоотверженный подвиг жен декабристов, добровольно последовавших в Сибирь за своими мужьями.

На страницах дневников и писем Тургенева мелькают названия итальянских городов и селений; и вот то тут, то там снова появляется имя Пушкина.

«Уверяют, что один из остроумнейших авторов и по жизни своей *старого* Александра Пушкина и неизменного Вяземского напоминающий, есть поэт Gigaud, коего эпиграммы на все и на всех здесь известны»,⁵ — писал он 2 января 1833 года из Рима Вяземскому. Как точно подмечено душевное состояние Пушкина! Не стало веселого, жизнерадостного Сверчка; не по летам повзрослевший поэт запечатлелся в памяти Александра Ивановича.

Три месяца спустя Тургенев порадовал его подарком. «Маленькая ваза из белого мрамора, найденная в Тускулуме, поэту-Пушкину»,⁶ — сообщал он 18 апреля 1833 года Вяземскому. В трудные тридцатые годы Пушкин особенно дорожил дружеским бескорыстным вниманием.

В странствиях по Германии, Италии и Швейцарии прошло два года. Александр Иванович возвратился в Москву в конце мая 1834 года. Там его ожидали встречи со старыми друзьями и знакомыми: Вяземским, стареющим Дмитриевым, Михаилом Орловым, Баратынским, Киреевскими, Елагиной, Полторацким.

«Полторацкий привез ко мне Полевого: он рассказал мне историю запрещения «Телеграфа», — записал Тургенев 5 июня. — Уваров является во всем блеске. Я только слушал и сказал свое мнение об одном Уварове».

Запрещение «Московского телеграфа» явилось одной из первых «блистательных» акций Уварова-министра. Его чиновники изготовили увесистое обвинительное досье, составленное из крамольных журнальных фраз. Даже за-

ступничество шефа жандармов Бенкендорфа, пытавшегося в пику Уварову помочь Полевому, не принесло желанного результата. Уваров и в самом деле явился «во всем блеске».

Вскоре Александр Иванович уехал из Москвы в Симбирск, в свое родовое имение Тургенево.

«1 июля <1834>... О брат! отсутствие твое не мешает мне действовать здесь по сердцу твоему».

Это строки о брате Николае, который летом 1818 года, несмотря на протесты их матери, яркой крепостницы, перевел крестьян с барщины на оброк. Пушкин, безусловно, знал о человеколюбивом поступке Николая Тургенева, — не единичном в те годы, — и он был одним из тех, кого вспоминал поэт, когда писал в «Евгении Онегине»:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил.

В сентябре 1834 года Тургенев вернулся в Москву; туда же приехал Пушкин с женой и свояченицами. 8 сентября Александр Иванович был в театре и сидел в ложе с Пушкиным и его тремя красавицами. На следующий день Тургенев навестил Пушкина и слушал в его чтении отрывки из «Истории Пугачева». Вечером, вернувшись домой, Тургенев получил записку от Пушкина.

«Само по себе разумеется, что Пугачев явится к вам первому, как скоро выдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска. Книгу оставляю у жены, которая вам ее и возвратит. Весь Ваш — до свидания.

А. П.

Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени» (XV, 189).

В тот же день Тургенев занес в дневник свои впечатления о встрече с Пушкиным. Нижняя часть листа истлела, и некоторые слова прочесть невозможно. Записка Пушкина позволяет почти полностью восстановить текст дневника:

«9 сентября. <...> к Пушкину. <Слушал не>сколько страниц Пугачева, Много любопытного и оригинального. <Текст поврежден> сказав, что П<ушкин> расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. <Симбирск> всегда имел для меня историческую прелесть. <Он устоял против Пуг<ачева> и Разина» (129).

⁴ ИРЛИ, ф. 309, № 12, л. 86. Запись от 20 сентября 1832 г.

⁵ Архив братьев Тургеневых, вып. 6. Пг., 1921, с. 134. — Жиро Джованни (1776—1834) — итальянский драматург.

⁶ Там же, с. 199.

Тургенев припомнил, что у него имеются материалы по истории Пугачева и немедленно известил об этом Пушкина; поэт-историк ответил ему: «Это все у меня уже есть — и будет напечатано в приложении. <...> Сейчас еду, лошади уже заложены» (XV, 190).

Во времена Пушкина, к счастью, еще не был изобретен телефон. Тогда не набирали наспех номер знакомых, а посылали друг другу записочки; многое сохранили для нас маленькие клочки бумаги, на которых Пушкин и его друзья царапали впопыхах последние новости, спрашивали о чем-то неотложном, отвечали на только что полученные строки.

В начале октября 1834 года Тургенев приехал в столицу.

«15 октября. <...> Вечер у Пушкина: читал мне свою поэму о Петербургском потоке. Превосходно. Другие отрывки...» (130). Несколько дней спустя Александр Иванович извещал Вяземского: «Пушкин вчера навещил меня. Поэма его о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не печатается. Пугачевщина уже напечатана и выходит».⁷

Поэму о Петербургском потоке — «Медный всадник» — Пушкин закончил еще в октябре 1833 года. Она была представлена на высочайшую цензуру. Николай I зачеркнул четыре строки и отметил ряд мест, которые, по его монаршему разумению, следовало переменить. Пушкин положил поэму в стол. Год спустя он прочел ее Александру Ивановичу; вскоре в дневнике Тургенева появились «крамольные» четыре строки:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова.

«Порфиросная вдова» — императрица Мария Федоровна, жена Павла I, мать Александра I и Николая I — умерла в 1829 году. Но история ее отношений с новой царицей Елизаветой Алексеевной, супругой Александра I, еще была жива в памяти царя.

Мария Федоровна так и не простила своему первенцу участие в событиях 11 марта 1801 года; каждый год

⁷ ОА, т. 3, с. 262.

в день убийства Павла I «порфиросная вдова» устраивала торжественную панихиду. Александр I знал, что не из любви к удавленнику Михайловского замка, а из желания досадить ему поддерживала мать эту церемонию; ведь было хорошо известно, что Мария Федоровна не хранила верность Павлу I.

Неприятно относилась Мария Федоровна к жене Александра I, умной и по тем временам образованной женщине. Николай I, конечно, помнил, как быстро «померкла» порфиросная вдова перед новой царицей. Вызывать подобные ассоциации ему представлялось неуместным; не к чему было вспоминать в поэме и о распри двух столиц; сие отнюдь не способствовало поддержанию престижа власти. Николай I перечеркнул неудобные ему строки.

Полтора месяца спустя Александр Иванович записал: «2 декабря. <...> У Хитрово с час проболтал с Толстой»,⁸ мило уговаривала меня не давать воли языку. <...> Маркиз Дуро допрашивал, почему государь не пропустил стихов Пушкина... „tes rougquoi, marquis, ne finiraient jamais“...»⁹

Александр Иванович слегка перефразировал слова Вольтера «Из рассуждения в стихах о человеке»; там это крылатое выражение звучит так: «Твоим „почему“, сказал бог, никогда не будет конца». Парируя вопросы недоброжелательных критиков, Пушкин в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» вспомнил это изречение Вольтера. Теперь оно снова «столкнулось» с Пушкиным; острота Вольтера пришла на память Тургеневу во время разговора о цензуровании царем «Медного всадника».

Пушкин не скрывал от своих друзей, как придирчиво отнесся Николай I к поэме о Петербургском потоке; через салон австрийского посла графа Фикельмона, где поэт часто бывал, его неудовольствие стало известно в дипломатическом мире столицы. Узнал о нем и посетивший Россию маркиз Дуро, сын английского политического деятеля герцога Веллингтона, узнал и пришел в не-

⁸ Толстая Анна Матвеевна (1809—1897) — племянница Е. М. Хитрово.

⁹ Твоим почему, маркиз, никогда не будет конца (франц.). — Ред.

доумение. Где было ему, неискушенному в чужих порядках, понять, в каких трудных условиях находятся русские писатели? Как бы он удивился, если б узнал, что министр народного просвещения Уваров предлагал воздвигать «умственные плотины» против просвещения? При всей любви англичан к парадоксам такие парадоксы были ему недоступны.

«1 ноября <1834>... У меня сидели Пушкин и Соболевский.¹⁰ Первый о Вольтере, о Ермолове: одного со мною о нем мнения. — О Ериванском Ермолове: все перед ним ниц падает; лучше назвать *Ерихонским*» (131).

Творчество Вольтера привлекало внимание Пушкина еще в Лицее. В 1832 году Пушкин просил и получил высочайшее разрешение ознакомиться с богатой библиотекой Вольтера, хранившейся в Эрмитаже.¹¹ В 1834 году в незаконченной статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин, критикуя художественный метод Вольтера, тем не менее называет его великаном XVIII века. В 1836 году Пушкин анонимно опубликовал в «Современнике» статью «Вольтер»; она была написана Пушкиным по поводу только что опубликованной в Париже переписки Вольтера с историком, президентом бургундского парламента де Броссом и прусским королем Фридрихом II. Книжная новинка попала к Пушкину благодаря поощениям Тургенева. Во время своего пребывания в Париже Александр Иванович приобрел этот том, подписал на нем: «к<нзю> Вяземскому» и отослал в Россию. Вяземский передал его Пушкину — и до сего времени он хранится среди книг поэта.

С прославленным генералом Алексеем Петровичем Ермоловым Пушкин познакомился в 1829 году. Во время своего путешествия на Кавказ он сделал лишних двести верст, чтобы заехать в Орел, где жил находившийся в опале Ермолов. Генерал принял поэта. Два часа длилась оживленная беседа. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал:

¹⁰ Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — эпиграмматист, друг Пушкина.

¹¹ Об этом см.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. — В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961, с. 41—52.

«Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом.

Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели пашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сподит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно, говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которыми стены падали от грубного звука, и называл гр<афа> Эриванского графом Ерихонским» (VIII, 445).

Итак, Ериванский Ермолов — это Иван Федорович Паскевич, сменивший в 1827 году Ермолова на посту управляющего Кавказским краем; он имел титул графа Ериванского.

Эту часть «Путешествия в Арзрум» Пушкин напечатал еще в «Литературной газете» в 1830 году; страницы о Ермолове там отсутствовали; ни похвала фрондирующему генералу, ни тем более порицания всеильному Паскевичу к печати не допускались.

«16 ноября <...> Обедал у новорожденной Карамзиной¹² с Жук<овским>, Пушк<иным>, Кушников<ым>. Последний о Суворове говорил интересно. Проврался о гр<афе> Аракч<ее> по суду Жеребцова, «лежачего не бьет» и казнивший беременных женщин спасен от казни, а сидевшие в крепости — казнены» (132).

Сергей Сергеевич Кушников (1765—1839), племянник Карамзина, адъютант Суворова во время итальянского похода 1799 года, «проврался», т. е. проговорился о заступничестве Аракчеева за новгородского губернатора Д. С. Жеребцова, который вел следствие над лицами, заподозренными в убийстве Минкиной, любовницы времен-

¹² Новорожденная Карамзина — Екатерина Андреевна, родившаяся 16 ноября 1780 г., вдова историографа.

щика. Герцен, отбывавший ссылку в Новгороде и знавший подробности этого дела от очевидцев, писал:

«Губернатор превратил свой дом в застенок, с утра до ночи возле его кабинета пытали людей. Старорусский исправник, человек, привычный к ужасам, наконец изнемог, и, когда ему велели допрашивать под розгами молодую женщину, беременную во второй половине, у него неостало сил. Он взошел к губернатору — это было при старике Попове, который мне рассказывал, — и сказал ему, что эту женщину невозможно сечь, что это прямо противно закону; губернатор вскочил с своего места и, бешеный от злости, бросился на исправника с *поднятым кулаком*: „Я вас сейчас велю арестовать, я вас отдам под суд, вы — *изменник!*“ Исправник был арестован и подал в отставку. <...> Женщину пытали, она ничего не знала о деле <...> однако ж умерла. <...> Губернатора велено судить сенату, оправдать его даже там нельзя было. Но Николай издал милостивый манифест после коронации; под него не подошли друзья Пестеля и Муравьева — под него подошел этот мерзавец».¹³

Передовые люди разных поколений, Тургенев и Герцен в равной мере были возмущены «правосудием» Николая I — изверг, который должен был с «бубновым тузом» на спине шагать в кандалах на каторгу, остался безнаказанным; зато друзья Пестеля и Муравьева дрогли в тюремных казематах и изнемогали в сибирских рудниках.

Прошла лишь неделя после разговора о преступлениях новгородского губернатора, как в дневнике Александра Ивановича всплывают новые факты из скандальной хроники николаевского царствования.

«24 ноября. <...> Вечер с Жук^{ковским}, Пушкиным и Смирнов^{ой}», угощал Кар^{самзин} у у ней самой концертом Эйхгорнов,¹⁴ любезничал с Пуш^{киной}, и Смир^{нковой}, и Гончар^{овой}. Но под конец ужасы Сухозанетские, рассказанные Шевичевой,¹⁵ возмутили всю мою душу» (132).

¹³ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах, т. IX. М., 1956, с. 88—89.

¹⁴ Эйхгорны — Эрнест (11 лет) и Эдуард (9 лет), братья-скрипачи, выступавшие с концертами в Петербурге.

¹⁵ Шевичева — Мария Христофоровна Шевич (1784—1841), сестра А. X. Бенкендорфа, приятельница семейства Карамзиных.

«Ужасы Сухозанетские» — рассказ о противоестественных наклонностях генерал-адъютанта Ивана Онуф^{риевича} Сухозанета, назначенного осенью 1833 года главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов. 29 ноября 1833 года Пушкин записал в дневнике: «Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме Инвалидов» (XII, 315).

Сухозанет не был исключением. Уваров, министр народного просвещения, славился такой же репутацией. Когда Пушкин в стихотворном памфлете «На выздоровление Лукулла», адресатом которого являлся Уваров, для отвода глаз цензуры выставил подзаголовок «подражание латинскому», то Тургенев остроумно заметил в письме к Вяземскому: «Спасибо переводчику с латинского. (Жаль, что не с *греческого!*). Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеил его бесмертным поношением».¹⁶

В Зимнем дворце находилась и находится по сие время портретная галерея героев Отечественной войны 1812 года.

В дневниках современников сохранилась словесная портретная галерея иных людей той эпохи — грязных честолюбцев, наглых казнокрадов, изощренных садистов.

Записи Тургенева кратки. Почти всегда они требуют комментариев. Лучше всех их мог бы написать сам Александр Иванович — ведь его заветной мечтой было оставить потомству свои мемуары. Вот там бы он развернул пунктирные пометы, порой зашифрованные строки в красочные описания. Но замысел автобиографической эпопеи остался неосуществленным: Не хватило времени, не хватило усидчивости.

А жаль! Ведь материалов, подготовительных пособий было заготовлено с лихвой. Собственные дневники и письма, неопубликованные рукописи разных лиц. Среди несметных богатств его личного архива сохранился даже конспект дневника Пушкина, сделанный весной 1837 го-

¹⁶ ЛН, т. 58, с. 120.

да.¹⁷ Иногда это прямая цитата, порой краткий пересказ, в двух случаях Тургенев сопровождает пушкинскую запись своей оценкой.

11 декабря 1833 года Пушкин занес в дневник последнюю новость о николаевских министрах: «Кочубей и Несельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. — Эти четыреста тысяч останутся в их карманах» (XII, 317).

«Рассуждение Пушкина о сем здраво», — резюмирует Тургенев.

10 мая 1834 года Пушкин дал волю своему негодованию. Поэт писал о том, как подло распечатывать частную переписку. Тургенев переписал большой отрывок из дневника Пушкина и добавил от себя: «Это П<ушкин> написал после строк о прочтении его письма к жене государем, за которое государь на него рассердился, но Жук<овский> объяснил ему истинный смысл письма, перехваченного московским почтамтом и полицией. — Ай-да Булгаков!»

Почтовый сыск осуществлен был по распоряжению Константина Яковлевича Булгакова, давнишнего приятеля Тургенева, московского почт-директора.

Сухозанеты, Паскевичи, Жеребцовы — как держать себя с подобными лицами, Александру Ивановичу было хорошо известно. А вот как относиться к человеку, не отличавшемуся выдающимися пороками, человеку неглупому, оказавшему Тургеневу множество мелких услуг, если вдруг выясняется, что он шпионил за их общим приятелем?

Тут было над чем задуматься!

Наконец, после пушкинской фразы: «Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова» Александр Иванович записал:

«(Сим кончается журнал П<ушкина>)».

Тургенев особенно подробно конспектировал те записи, в которых поэт говорил о своих отношениях с правительством и излагал свои беседы с великим князем Михаилом Павловичем.

Для нас выписки Тургенева из дневника Пушкина ценны тем, что дают возможность предположить знаком-

ство с ними деятелей русской культуры, с которыми сталкивался вездесущий Александр Иванович.

«А. И. Тургенев — милый болтун; весело видеть, как он, несмотря на седую голову и лета, горячо интересуется всем человеческим, сколько жизни и деятельности! А потом приятно слушать его всесветные рассказы, знакомства со всеми знаменитостями Европы. Тургенев — европейская кумушка, человек au courant¹⁸ всех сплетней разных земель и стран, и все рассказывает, и все описывает, острит, хохочет, пишет письма, ездит спать на вечера и faire l'aimable¹⁹ везде».²⁰ Так аттестовал Герцен Александра Ивановича в дневниковой записи, сделанной 18 ноября 1842 года. Из нее следует, что Герцен часто встречал Тургенева в московских салонах, и, конечно, не только европейские новости бывали предметом их бесед. Вряд ли Герцен не воспользовался возможностью получить сведения о Пушкине «из первых рук», от одного из ближайших друзей поэта.

А теперь вернемся к тургеневскому конспекту дневника Пушкина. Александр Иванович выписал разговор Пушкина с великим князем Михаилом Павловичем в конце 1834 года, в котором поэт утверждал, что Романовы — революционеры. «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы», — отвечал ему великий князь.

«Революция, которая должна была спасти Россию, вышла из лона самого дома Романовых, дотоле равнодушного и бездеятельного. <...> Петр Великий был первой свободной личностью в России и, уже по одному этому, коронованным революционером», — писал Герцен в своем труде «О развитии революционных идей в России».²¹

Подобное суждение могло возникнуть у Герцена самостоятельно. Но теперь, когда стал известен тургеневский конспект дневника Пушкина, можно предположить, что Александр Иванович поведал Герцену о колоритном разговоре Пушкина с Михаилом Павловичем.

«6 ноября. День смерти Екатерины II... Обедал и кончил вечер у Смирновых, с Жуков<ским>, Иксулем и Пущ-

¹⁸ В курсе (франц.). — *Ред.*

¹⁹ Любезничать (франц.). — *Ред.*

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах, т. II. М., 1954, с. 242.

²¹ Там же, т. VII. М., 1956, с. 166, 170.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 316, лл. 144—146.

киным. Много о прошедшем в России, о Петре, Екатерине» (131).

«11 ноября <...> у Пушкина» о Екатерине» (131).

В 1830-е годы русская история XVIII века постоянно находилась в центре творческих интересов Пушкина. Естественно, что в беседах с друзьями Пушкин охотно говорил об этом предмете. Оценка двух царствований — Петра I и Екатерины II — вызывала горячие споры в пушкинском кругу. Пометы Пушкина и Тургенева на рукописи Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине, а также «Записные книжки» Вяземского раскрывают перед нами обширную картину словесных баталий.

Когда-то, в 1822 году Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» окрестил Екатерину «Тартюфом в юбке и в короне». Но уже в этой работе, наряду со злой характеристикой Екатерины, Пушкин отмечает, что благодаря успехам своей внешней политики она имеет право на «благодарность потомства». К 1830-м годам все большее значение приобретает у Пушкина общекультурный аспект «екатерининского века». В 1832 году Пушкин полностью согласен со следующим утверждением Вяземского: «Екатерина не только уважала ум, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила к нему, но, так сказать, баловала и щадилась неизбежные уклонения его». Против этих слов Пушкин написал: «прекрасно». Чем дальше занимался Пушкин историей, тем сложнее становилось его восприятие царствования Екатерины. Отрицательное не заслоняет положительного, позитивное не мешает видеть негативное. И, кроме того, прошлое соотносится с настоящим; в свои оценки «екатерининского века» Пушкин включает полемический подтекст; в последние годы жизни он как бы противопоставляет идеализированное царствование Екатерины правлению Николая I; в «просвещенном ореоле» Екатерины еще более тускнеет «непросвещенный режим» Николая I.²²

Тургенев часто видится с Пушкиным у Карамзиных, у Смирновой, встречает его в Михайловском театре, на улице, заходит к нему.

²² Подробнее об этом см.: Новонайденный автограф Пушкина, с. 87—105.

«21 ноября. <...> с Пушкиным осмотрел его библиотеку» (132).

Богатая библиотека Пушкина не могла не поразить книголюба Тургенева. Библиотека поэта дошла до нас не целиком — и все-таки сколько в ней сокровищ! Опись ее, составленная Борисом Львовичем Модзалевским, составляет солидный том. Можно себе представить, с каким увлечением рассматривал Тургенев книжные богатства Пушкина. Свою дружескую лепту в накопление этих умственных сокровищ внес и он.

Вот перед нами «Album Littéraire», изданный в Париже в 1832 году. На нижнем конце обложки рукою Александра Ивановича написано: «Журналисту Пушкину от Гремущки-Пилигрима. Любек. 6 июля 1832...»

Томик латинских поэтов Катуллы, Тибуллы и Проперция. На синей печатной обложке надпись чернилами: «Поэту Пушкину А. Тургенев».

Итальянская книга «Диалоги о событиях, происшедших в 1831 году». На ее обложке сверху написано рукою Тургенева «Рим. 1833 1/13...»

Два тома сочинений Вашингтона Ирвинга во французском переводе; на шмуц-титule первого тома карандашная помета: «Hôtel d'Autriche, Tourgeneff».²³

Французская книга Луи Пари «История России» с дарственной авторской надписью, адресованной Тургеневу.

Французская книга о суде над Жанной д'Арк, изданная в Париже в 1827 году. Между ее листами сохранилась бумажная закладка, на которой рукою Тургенева написано: «Б. Мих. Федорову».

Наконец, том переписки Вольтера, о котором мы уже упоминали.

Все эти книги перекочевали к Пушкину от «Гремущки-Пилигрима», как себя называл Александр Иванович.

Человек, влюбленный в книги, знает, какое наслаждение рассматривать их вместе с друзьями, обращать их внимание на старинные кожаные переплеты, на заглавия редких изданий, на случайно добытые раритеты. Часы, проведенные у книжных полок «перед солнцем бессмертного ума», стремительно сближают людей, скрепляют их дружбу.

²³ Гостиница «Австрия». Тургенев (франц.). — *Ред.*

И тут-то судьба преподнесла им неожиданное испытание. Несколько дней спустя после осмотра библиотеки Пушкина случилось событие, которое могло надолго омрачить их отношения. «1 декабря 1834... Оттуда к Пушкин^у. В театре Мих^{айловском} государь и гос^{ударын}, а с ними Фридр.²⁴ с дочерью.— И Пушкины не пригласили меня в ложу... Итак, простите, друзья-сервилисты и друзья-либералы. — „Я в лес хочу“». (132).

Горькая, трагическая запись! Она завершается пушкинскими словами из «Братьев-разбойников»; они подчеркивают одиночество, неприкаянность Александра Ивановича. «Неогразимые обиды» наносят ему и друзья-сервилисты — Блудов, Дашков, Уваров, и друзья-либералы — Пушкин, Жуковский, Вяземский...

Пушкин, конечно, не хотел обижать Александра Ивановича. Но порой поэт вынужден был идти наперекор собственным желаниям. Положение его при дворе было исключительно сложным. В конце декабря 1833 года произошло унижительное событие. «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам), — записал Пушкин в дневнике 1 января 1834 года. — Но двору хотелось, чтобы Н^{аталья} Н^{иколаевна} танцевала в Аничкове» (XII, 318).

С этого времени Пушкин стал особенно тяготиться жизнью в Петербурге. 22 июля 1834 года он занес в дневник: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет» (XII, 331). Пушкин подал просьбу об отставке. Бенкендорф известил его, что отставка принята, но тут же было добавлено, что доступ в государственные архивы, данный ему Николаем I, будет аннулирован. Пушкину пришлось взять просьбу об отставке обратно.

25 августа 1834 года Пушкин уехал из столицы в Москву, чтобы не присутствовать вместе с другими камер-юнкерами на торжественном открытии Александровской колонны. По его собственному признанию, он до самой кончины Александра I подсвистывал царю; не захотел он воздавать ему и посмертные почести.

Анонимная эпиграмма на открытие колонны —

²⁴ По-видимому, Цецилия Владиславовна Фридерикс (ум. 1851), приближенная императрицы.

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом. —

слишком холодна и спокойна, чтобы можно было заподозрить в ее авторстве Пушкина. Напиши он эпиграмму на это событие, она была бы жгучей и язвительной.

После самовольного отъезда в Москву Пушкин не встречал Николая I; царь вернулся в столицу из поездки по Пруссии лишь 28 ноября.

Надвигалась новая неприятность; вскоре предстояло присутствовать на приеме во дворце вместе с другими камер-юнкерами; Пушкин решил уклониться от стояния в одной верноподданнической шеренге с «молокососами 18-летними».

Мог ли Пушкин при этих обстоятельствах пригласить к себе в ложу Тургенева, к которому Николай I относился неприязненно? Подобный поступок был бы расценен как выражение независимости и строптивости. За несколько дней до своего отказа явиться во дворец Пушкин счел за благо не обострять отношений с Николаем I. Было неловко перед Александром Ивановичем, было унижительно и больно, но другого выхода не нашлось.

Досадный эпизод в театре ненадолго омрачил их дружбу; Тургенев сумел великодушно понять Пушкина; а понять значит простить, как гласит французская пословица.

9 декабря 1834 года Александр Иванович посещает Пушкина, и поэт читает ему «примечания письменные на Пугачева, представленные им государю» (133). Официально «Замечания о бунте» были переданы царю через Бенкендорфа лишь 26 января 1835 года. Запись Тургенева от 9 декабря, в которой говорится, что «Замечания о бунте» уже представлены царю, дает основание думать, что первоначально они были показаны Николаю I в частном порядке через кого-либо из друзей Пушкина, скорее всего через Жуковского. Это предположение косвенно подтверждается и письмами Пушкина к Бенкендорфу. Еще 23 ноября 1834 года в письме на имя шефа жандармов Пушкин просил разрешения представить эти замечания на рассмотрение Николая I, а два месяца спустя, 26 января 1835 года Пушкин снова писал Бенкендорфу: «Я просил о дозволении представить оные государю императору, и имел счастье получить на то высочайшее со-

изволение» (XVI, 7). Ясно, что разрешение было получено в обход Бенкендорфа.²⁵

«10 декабря. <...> вечер у Жуковского до 3-го часа: Пушкин, Велугорский, Чернышев-Кругликов»,²⁶ Гоголь. <пропуск> напомнил о шутке брата. Князь Адуевский.²⁷ Пили за здоровье *Ивана Ник.*»

Кто же этот таинственный Иван Ник.? За чье здоровье пили Пушкин и его друзья?

Берем словарь Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» и находим всех лиц, которых звали «Иван Ник.».

Иван Николаевич Гончаров, брат Наталии Николаевны, 24-летний в то время корнет лейб-гвардии Гусарского полка (день рождения — 22 мая).

Иван Николаевич Горсткин, сосланный по делу декабристов в Вятку.

Иван Николаевич Зотов — смотритель типографии Департамента внешней торговли.

Иван Никитич Инзов — председатель Комитета об иностранных поселенцах южного края России (день рождения — 23 декабря).

Иван Николаевич Наумов — купец.

Иван Николаевич Римский-Корсаков — генерал-адъютант (умер 27 января 1831 г.).

Иван Никитич Столяров — крестьянин при Святогорском монастыре.

Просматриваем внимательно этот список и становимся в тупик — нет подходящего кандидата! И еще одно недомыслие: с какой стати Тургенев подчеркнул слова «Ивана Ник.»?

Упоминание о «шутке брата», недавние его именины (6 декабря) наводят на мысль о том, что гостем на квартире Жуковского был провозглашен за Николая Тургенева. Опасаясь, что дневник его может попасть в руки чиновников III Отделения и скомпрометировать его друзей, пивших за здоровье декабриста-изгнанника, Тургенев за-

²⁵ Б. В. Томашевский датирует «Замечания о бунте» декабрем 1834 г. Запись Тургенева от 9 декабря 1834 г., а также письмо Пушкина к Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г. позволяют изменить датировку на ноябрь 1834 г.

²⁶ Чернышев-Кругликов Иван Гаврилович, граф (1787—1847) — муж С. Г. Чернышевой, сестры декабриста Э. Г. Чернышева.

²⁷ Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, двоюродный брат декабриста А. И. Одоевского.

пиффровал запись: вместо Николая Ивановича он поставил: Ивана Николаевича, — и подчеркнул эти слова. Жизнь учила осторожности.

Вскоре дилижанс, вечный спутник Тургенева, вез его по знакомой дороге из Петербурга в Москву.

«17 декабря. <...> У Орловых: о Уварове, о стихах Пушкина. Тут и Чадаев» (133).

В доме видного деятеля декабристского движения арзамасца Михаила Орлова, проживавшего в Москве под полицейским надзором, Александр Иванович рассказывал в дружеском кругу о последних, еще не опубликованных произведениях Пушкина. «Скажи Пушкину, что ожидают здесь все его Пугачевщины, а я со всеми, — писал в тот же день Александр Иванович Вяземскому. — Мне нужно иметь ее прежде отъезда, а 3-го января надеюсь или страшусь уже не быть здесь.

Красавицам его сердечное приветствие и — извинение, что шлафрока не мог взять с собою. — Начали уже и укладываться его, но надлежало измять — и я не посмел. Впрочем он слишком на вате для Неаполя.»²⁸

Александр Иванович вновь собирался за границу; 19 января 1835 года он просил Жуковского: «Пушкину скажи, что я долго ожидал от него Пугачева и беру с собою для Орлова»²⁹ чужой экземпляр». — Здесь все разобраны. Нет ни одного в лавках. Если желает послать ко мне, то пусть отдаст в канцелярию графа Нессельроде, отошлет на Вену. Напр<имер> пусть отдаст сыну директора канц<елярии> графа Нес<сельроде> Кудрявскому; он меня знает, но поскорее; может и это сделать чрез Смирнова.

NB. С своим аутографом — на память старины священной!»³⁰

Как непосредственно и трогательно звучит последняя фраза! Унеслось облачко минутной неприязни, нерушимой нежностью к Пушкину веет от этих слов Александра Ивановича.

²⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 4714. Опубликовано частично в ЛН, т. 58, с. 110. — Шлафрок, по-видимому, предназначался Карамзиным, которые в то время путешествовали по Италии.

²⁹ Орлов Алексей Федорович (1786—1861) — генерал-адъютант, брат М. Ф. Орлова.

³⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 4714.

Тургенев не дождался в Москве желанного подарка, и пять недель спустя, 27 февраля 1835 года он писал из Вены Жуковскому: «Экз<емпляр> Орлова, Пугачевщины, читал посол³¹ и переходит из русских рук в руки. Я ожидал здесь получить другой экз<емпляр> для себя.

Скажи поэту-историку, что его помнит соименитая графиня (урожд. Урусова). Посылаю в Москву множество указаний о новых явлениях в славянской литературе, и полное собрание песен народных, едва изданное.

Пушкиным, Гончаровым поклон».³²

«Соименитая графиня» — это Мария Александровна Мусина-Пушкина (урожд. Урусова, 1801—1853). Отец ее был женат на Екатерине Павловне Татищевой, сестре русского посла в Вене, в доме которого и видел ее Александр Иванович. По авторитетному свидетельству Вяземского, Пушкин был влюблен в Марию Александровну и посвятил ей стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...»; оно, как установил М. А. Цявловский, относится к концу 1827 или к началу 1828 года, когда Мусина-Пушкина и поэт встречались в петербургских гостиных.³³

Покоренный ее красотой, Пушкин писал, что «рай полуденной природы» и «чудеса немых искусств» бледнеют перед ней:

Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчанье смотрит ли она
На образ нежной Форнарины
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...

И как было не помнить поэта, посвятившего ей такие стихи!

Строки письма Тургенева «о новых явлениях в славянской литературе» также прямо касались Пушкина.

³¹ Татищев Дмитрий Павлович (1767—1845) — русский посол в Вене.

³² ИРЛИ, ф. 309, № 4714. — Частично и с искажением слова «соименитая» приведено в ЛН, т. 58, с. 116.

³³ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 369—378.

Еще 9 декабря 1834 года Тургенев отметил в дневнике после посещения Пушкина: «Прислать ему из Москвы славянские книги». По адресу своей двоюродной сестры Александры Ильиничны Нефедьевой Тургенев обычно пересылал книги и бумаги в свой московский архив. Посылки его в большинстве своем шли через Петербург — и не по почте, а обычно с надежной оказией. По-видимому, сообщая в письме к Жуковскому о содержании очередной посылки, Тургенев полагал, что эти книги заинтересуют Пушкина.

Мелькают заставы. Из Вены Александр Иванович направился в Италию и занялся поисками бумаг, относящихся к истории России, в Ватиканском архиве. Получить доступ в этот секретнейший архив было нелегко, для иностранца почти невозможно. Но Тургенев сумел преодолеть все препоны и препятствия. Александр Иванович изучает архивные фолианты, отыскивает нужные бумаги, нанимает писцов; у него на квартире растет гора копий, снятых с давно забытых документов.

В свободное время Александр Иванович посещает музеи, дворцы, антикварные лавки. «Посылаю тебе и Пушкину по черепаховой лире из-под неба|Virgilia, от Эоловой арфы», — писал он 9 апреля 1835 года Жуковскому.³⁴ Лучший подарок трудно было приобрести! Тут оказалось кстати и его арзамасское прозвище — Эолова арфа, которым он последние годы подписывал в журналах свои заграничные корреспонденции.

Прожив три месяца в Италии, Тургенев отправляется в июне в Париж; в августе он пересекает Ламанш и недолго живет в Лондоне. В сентябре Александр Иванович возвращается в Париж и обосновывается во французской столице до середины июня 1836 года. Все эти месяцы он занят кропотливыми разысканиями в архивах Лондона и Парижа.

«Наконец добился я здесь Пушкина „Пугачева“: его читает теперь мой сожитель, — писал Тургенев Вяземскому в декабре 1835 года. — Где автор, и не высидел ли чего на псковском пепелище?»³⁵

³⁴ ЛН, т. 58, с. 116.

³⁵ ЛН, т. 58, с. 118. — Сожитель — вероятно, брат Николай.

В этом же письме Александр Иванович просил передать Пушкину, что у княгини Анны Александровны Голицыной должны находиться материалы по истории Пугачева; Тургенев явно знал, что Пушкин собирался выпустить второе издание своего труда, и хотел обогатить его новыми документами.

Тургенев — неперемный посетитель литературных салонов Парижа, постоянно рассказывающий французским писателям о новых явлениях в русской словесности. 24 февраля 1836 года он сообщал Вяземскому: «Вчера провел я первый вечер у Ламартина. Он просит у меня стихов Пушкина в прозе; стихов переводных не хочет. Я заказал сегодня графу Шувалову перевести, но еще не остановился на выборе пьесы».³⁶

Пушкин, по-видимому, знал об интересе Ламартина к его творчеству; ведь месяцем раньше Вяземский писал Тургеневу, чтобы тот «в ожидании стихов Пушкина» перевел и передал Ламартину какое-нибудь стихотворение Кольцова.³⁷

Сам Пушкин не был поклонником поэзии Ламартина. Если в 1823 году в черновике письма к Вяземскому были строки о том, что «первые *думы* Ламартина» в своем роде едва ли не лучше *Дум Рылеева*», то с середины 1820-х годов его отзывы о французском поэте становятся все строже. В одной из заметок 1830-х годов Пушкин вспоминал о том, «как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые *Размышления*» (XI, 175).

В глазах Пушкина благочестие отнюдь не являлось аттестатом глубокого ума и искреннего чувства. «Благочестивому» Ламартину Пушкин полемически противопоставлял «любезного повесу» Альфреда де Мюссе: «Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостью самые обаятельные описания покойного Парни» (Там же).

Об этом «любезном повесе» Вяземский писал Турге-

неву: «Альфред Мюссе решительно головою выше в современной фаланге французских литераторов. Познакомься с ним и скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил...»³⁸

Совет Вяземского пришелся по душе Александру Ивановичу; он вскоре познакомился с Альфредом де Мюссе и, надо думать, передал ему лестный отзыв своих петербургских друзей.

Трудно назвать имя какого-либо известного французского литератора того времени, с которым не был бы знаком Тургенев. Доброжелательная общительность Александра Ивановича, его острый интерес к людям и книгам привлекали к нему внимание многих французских писателей. Среди его знакомых Шатобриан, Ламартин, Альфред де Мюссе, Мериме, Стендаль и, наконец, Бальзак. «Сегодня познакомился я у M-me Visconti с новым Бальзаком: он похож округлостью фигуры, и породством, и сертуком на Парижского дьячка», — писал Тургенев 2 (14) октября 1835 года Жуковскому.³⁹

Два месяца спустя, 1 (13) декабря Александр Иванович сообщал Вяземскому о своих новых встречах с французским писателем: «3-го дня Киселева» давала нам обед, на коем был и Бальзак, коего я на вечеринке у Мятлева» представил m-me Laval. Обед был оживлен нашим разговором.

Бальзак умен, остер, но в разговоре и в обществе слишком ищет блеснуть, и выше и далее ума ничего не видит, — даже и в женщинах! В последнем романе описал он себя и свои... и уверяет (как слышу), что у гения обыкновенно шея коротка: у него совсем нет ее, и между туловищем и головою один воротничек».⁴⁰

За этой непринужденной салонной болтовней о Бальзаке скрывалось, между тем, глубокое понимание его творческой индивидуальности: «... в Бальзаке много ума и воображения, но и странностей: он заглядывает в самые сокровенные, едва приметные для других щелки человеческого сердца и нашей искони прокаженной природы. Он физиолог и анатом души: его ли вина, что души часто

³⁶ ОА, т. 3, с. 301. — Шувалов Григорий Петрович (1804—1861) — сотрудник русского посольства в Париже.

³⁷ Там же, с. 289. — Тургенев пытался, правда, безуспешно, получить от Ламартина материалы для «Современника»: «Ламартин обещал мне прислать экземпляр своей речи для Пушкина», — писал он Вяземскому 24 апреля 1836 г. (ЛН, т. 58, с. 120).

³⁸ ОА, т. 3, с. 289. Письмо от 23 января 1836 г.

³⁹ ИРЛИ, ф. 309, № 4714. — Цит. по машинописной копии письма Тургенева.

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 2580 (многоточие в подлиннике письма).

без души? а кое-где еще и с крепостными душами? (что хуже всякого бездушия)». ⁴¹

Ближе всего к этой проникновенной оценке творчества Бальзака отзыв Вяземского, полагавшего, что «Отец Горио» «очень замечателен, и одно из лучших произведений последней французской нагой литературы». ⁴² Значительно сдержаннее относился к Бальзаку Пушкин. По справедливому наблюдению Б. В. Томашевского, «раздраженные отзывы Пушкина вызывались не столько самими стилистическими приемами Бальзака, сколько обилием деталей, нарушавших классическое чувство меры, свойственное Пушкину». ⁴³

Как было угадать будущие события? Кто мог предполагать, что Бальзак станет соперником Данте, что в его душе зреет грандиозный замысел «Человеческой комедии»? Как бы удивился Пушкин, если бы он узнал, что его одесская знакомая Эвелина Ганская, за которой в 1820-е годы ухаживал Александр Раевский, уже положила сердце Бальзака и станет перед смертью французского писателя его женой?..

Пространные письма-корреспонденции Александра Ивановича шли из Парижа в Петербург. Они отправлялись с надежной оказией или с дипломатической почтой; это давало возможность писать «спустя рукава», т. е. не опасаясь перлюстрации, о злободневных политических, общественных и литературных событиях. Эти письма читались и оживленно обсуждались в пушкинском кругу. 29 декабря 1835 года Вяземский писал Тургеневу: «Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литературную братию на свой олимпийский чердак. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc, etc. Все в один голос закричали: „Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!“». ⁴⁴

⁴¹ РС, 1881, т. 31, с. 202. Из письма к К. С. Сербиновичу от 2 (14) ноября 1835 г.

⁴² ОА, т. III, с. 268.

⁴³ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 167.

⁴⁴ ОА, т. 3, с. 281.

В этих письмах нет обычного эпистолярного обращения: к такому-то, дорогому или многоуважаемому; без всяких околичностей сразу начинается повествование, а сверху — в последний момент, перед отправкой письма — появляется торопливая надпись: Вяземскому, или: Жуковскому, или: Вяземскому или Жуковскому, или: Жуковскому и Вяземскому.

Это не адресат в обычном смысле, а лишь указание, на чье имя посылается письмо. Настоящий адресат этих писем — петербургские друзья, следовательно — и Пушкин. Но на них нет надписи «Александру Сергеевичу», и поэтому им нет места в двухсторонней переписке академического издания сочинений Пушкина. Многие из них остались неизданными. А ведь именно из писем Тургенева черпал Пушкин всестороннюю информацию о жизни Западной Европы.

Письма Тургенева, этот «сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего», были сущей находкой для Пушкина-журналиста. 19 января 1836 года Вяземский сообщал Александру Ивановичу в Париж: «Пушкину дано разрешение издавать журнал, род „Quarterly Review“. Прошу принять это не только к сведению, но и к исполнению и писать свои субботние письма почище и лучше; только с тем, что ты не последуешь русскому обычаю вышпереченному, то есть „тех же щей, да пожиже“; нет, „тех же щей, да побольше“, потому что мы намерены расхотать тебя на здоровье журналу и читателям. Пушкин надеется на тебя». ⁴⁵

Письмо Вяземского задержалось. О «Современнике» Александр Иванович узнал стороной. 5 марта он отписал Вяземскому и Жуковскому: „Последнее письмо мое с д'Андре ⁴⁶ было от 29 февраля. Ему отдали его, когда уже он садился в коляску; другое было писано с ним же накануне. Если бы я знал тогда, что Пушкин сделался журналистом, то уладил бы письмо так, чтобы он мог выбрать из него несколько животрепещущих крох с богатой трапезы европейской.

Годятся ли ему эти крохи, т. е. мои письма? Мы бы могли и отсюда переключиваться и потом из Германии, на которую взгляну пристально, хотя и мимоездом, и —

⁴⁵ ОА, т. 3, с. 286.

⁴⁶ Д'Андре — секретарь французского посольства в Петербурге.

из Москвы, где надеюсь найти прежние письма и привести и собрать свежие впечатления. Передавать ли их журналисту Пушкину? Ожидаю от него скорого и откровенного ответа и, в случае согласия, — условия о том, что ему нужно и на каком основании и чего он преимущественно желает».⁴⁷

Пока шел обмен письмами, Пушкин и Вяземский уже «кроили» корреспонденции Тургенева для первого тома «Современника». Переписаны каллиграфическим почерком последние февральские «донесения» Александра Ивановича; им присваивается название «Париж (Хроника русского)».⁴⁸

Три месяца спустя первый том пушкинского журнала появляется на столе парижской квартиры Тургенева. В Петербург летит отчаянное письмо: «Сию минуту прочел я „Современник“; я еще весь в жару и в бешенстве. Никогда я не ожидал от вас такой легкости, едва ли не преступной, и неосмотрительности — разве я позволял вам печатать все ничтожности и личности? <...> Теперь ваша обязанность, обязанность Пушкина и Вяземского спасти меня от дальнейших неприятностей, сказав, что это я посылал к себе мой дневник, не скрывая ни дел, ни мнений от друзей, но никогда не желая о других мыслить вслух с публикой. <...> Подумайте об исправлении сколько возможно вашей обидной для меня ветрености. Повторяю запрещение печатать что-либо во второй книжке, кроме объяснения в мою пользу».⁴⁹

Редко писал Александр Иванович такие крутые письма. И тем не менее упреки его справедливы лишь отчасти; он не подумал о том, что цензурные изъятия обеднили текст «Хроники русского» и второстепенные события невольно выдвинулись на передний план. Между тем Пушкин и Вяземский охотно исполнили просьбу Александра Ивановича; во втором томе «Современника» появилось редакционное объяснение; оно защищало автора «Хроники русского» от возможных нареканий и в то же время поразительно верно характеризовало неповторимый «почерк» его корреспонденций:

⁴⁷ ЛН, т. 58, с. 119.

⁴⁸ В последнее время эти корреспонденции были собраны в кн.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л., 1964.

⁴⁹ ЛН, т. 58, с. 128—129.

«Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражений, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом *pro se*, когда следовало бы ему писать *pro другиз*».

Мы имели случай стороною подслушать этот *à part*,⁵⁰ подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки, и торопились, как водится ныне в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями „Современника“. Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений, — так сказать *стенографировать* эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни».⁵¹

Кого не удовлетворило бы столь искусно составленное редакционное объяснение? Тургенев торжествовал. Мир был восстановлен. Печатание «Хроники русского» возобновилось в четвертом томе «Современника».

Просветительская роль А. И. Тургенева, — живого посредника между русской культурой и культурой Западной Европы, — постепенно проясняется. Правда, многие сотни страниц его дневников и писем еще ждут своего опубликования и осмысления. И тем не менее уже можно делать предварительные выводы. Многолетнее общение А. И. Тургенева с западноевропейской интеллигенцией сблизило передовую Россию, писателей пушкинского круга с иностранными деятелями культуры, и прежде всего со множеством французских писателей, историков, ученых. Правоммерно утверждать, что Александр Иванович — предшественник И. С. Тургенева в пропаганде русской литературы за рубежом, равно как и французской в России.

⁵⁰ Про себя (франц.). — *Ред.*

⁵¹ «Современник», 1836, т. 2, с. 311—312. — Автор редакционного объяснения до сих пор не установлен; одни исследователи полагают, что оно написано Пушкиным, другие настаивают на авторстве Вяземского, об этом см.: Рыскин, с. 47—50.